

Малахова терраса, какъ называется это мѣсто (названіе это обозначаетъ также и эпоху его возникновенія), производила менѣе убійственное впечатлѣніе, чѣмъ большинство ея современныхъ сосѣдокъ, по мрачному однообразію и претенціозности. Дома на террасѣ окружены были садиками и цвѣтниками и украшены верандами и балконами, и даже зимою терраса глядѣла весело, благодаря разноцвѣтнымъ ставнямъ и занавѣсамъ на освѣщенныхъ окнахъ. Но и тутъ, какъ и во всякомъ иномъ мѣстѣ, были дома болѣе мрачнаго вида. Не бѣдная виѣшность поражаетъ въ нихъ, нѣтъ, но то, что они, повидимому, принадлежатъ людямъ безусловно равнодушнымъ ко всему, кромѣ существенно необходимаго, и неспособнымъ придать какую-нибудь привлекательность своему жилищу. Передъ однимъ изъ такихъ домовъ, угрюмый видъ котораго не смягчался ни балкончикомъ, ни верандой, остановился Маркъ.

На окнахъ не видать было цвѣтныхъ занавѣсей или горшковъ съ цвѣтами, а только ставни изъ толстой темной проволоки.

То была не наемная квартира, но домъ, гдѣ Маркъ жилъ со своей семьей, которая хотя и не отличалась веселостью, но была не менѣе почтенна, чѣмъ всѣ остальные на террасѣ, а это во многихъ отношеніяхъ лучше веселости.

Онъ напелъ всѣхъ своихъ за обѣдомъ въ небольшой задней комнаткѣ, обтянутой сѣрыми обоями съ крупнымъ и безобразнымъ рисункомъ. Его мать, толстая женщина ледяного вида, съ холодными сѣрыми глазами и складкой обиженнаго недовольства на лбу и около губъ, разливала супъ съ торжественностью жреца, совершающаго жертвоприношеніе. Напротивъ сидѣлъ ея мужъ, небольшой человѣчекъ, кроткій и неизмѣнно унылый. Остальные домашніе: двѣ сестры Марка, Марта и Трикси, и его младшій братъ, Кутбертъ, сидѣли на обычныхъ мѣстахъ.

Миссисъ Ашбернъ строго взглянула на сына, когда онъ вошелъ.

— Ты опять опоздалъ, Маркъ, — сказала она: — пока ты находишься подъ этой кровлей (миссисъ Ашбернъ любила упоминать о кровлѣ), отецъ твой и я, мы въ правѣ требовать, чтобы ты подчинялся правиламъ нашего дома.

— Видишь ли, мамаша, — отвѣчалъ Маркъ, садясь и развертывая салфетку, — вечеръ былъ такой прекрасный, что я прошелся съ пріятелемъ.

— Есть время для прогулки и время для обѣда, — проговорила его мать такъ, точно приводила текстъ изъ св. писанія.

— А я ихъ спуталъ, мамаша. Такъ? ну, прости, пожалуйста; въ другой разъ не буду.